

Нет, мы уйдем. Король погиб, должно быть.
Засохли все лавровые деревья,
Грозя созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены;
Богатые мрачны, а чернь ликует:
Одни за выгоды свои боятся,
Другие от войны себе ждут выгод.
А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Не удержать мне земляков своих,
Известно им: нет короля в живых.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. РИЧАРД II¹

---

¹ Перевод Михаила Донского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ПРЕЗИДЕНТ ДЬЮИ ПОЗДРАВЛЯЕТ СОТРУДНИКОВ НАКА¹ С УСПЕШНЫМ ЗАПУСКОМ ОЧЕРЕДНОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ

Агентство Ассошиэйтед Пресс²
3 марта 1952 г.

Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию запустил на орбиту Земли свой третий искусственный спутник; спутник регулярно посылает радиосигналы на Землю и измеряет с помощью высококачественной аппаратуры интенсивность радиации в космическом пространстве вблизи Земли. Президент наотрез отвергает досужие предположения о том, что спутник, помимо озвученных Комитетом, выполняет еще и задачи Министерства обороны США, и уверяет, что данный проект нацелен на решение лишь научных задач, изначально на него и возложенных.

---

¹ Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию (*англ.* National Advisory Committee for Aeronautics, сокр. NASA, сокр. рус. НАКА) — федеральное агентство США, занимавшееся проведением исследований в области авиации и ставшее предшественником NASA (преобразовано в 1958 году). (Здесь и далее *прим. перев.*)

² Ассошиэйтед Пресс (АП; *англ.* Associated Press, AP) — одно из крупнейших международных агентств информации и новостей. Началось как кооператив новостей газетных издательств. Имеет экономическую и коммерческую службу «Доу Джонс», а также фото-, теле- и радиослужбы. Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке. Штаб-квартира европейского отделения, действующего и в России, находится в Лондоне.

Помните ли вы, где были, когда ударил метеорит? Никогда не понимала, почему люди задают друг другу этот дурацкий вопрос, поскольку очевидно же, что помнит каждый.

Я тогда была в горах с Натаниэлем, где он унаследовал от отца хижину, и мы частенько отправлялись туда понаблюдать за звездами. Говоря «понаблюдать за звездами», я, конечно же, имею в виду «заняться сексом».

Надеюсь, что своей откровенностью я вас не особо смутила, а рьяным сторонникам нравственности поясню, что мы с Натаниэлем были тогда здоровой, только-только поженившейся молодой парой.

Так вот, звезды я в те блаженные времена видела в основном на внутренней стороне своих век, но знай я, что вскоре и надолго звезды станут совершенно невидимы с Земли, то к окуляру телескопа там, в горах, припадала бы значительно чаще.

Последнее время мы оба вкалывали как проклятые, готовя очередной запуск, и не выполняя вычисления для того же проекта НАКА, ведущим сотрудником которого был и Натаниэль, то вряд ли в течение последних двух месяцев хотя бы раз увиделась с ним.

Теперь-то нам обоим был дарован отпуск.

И мы наконец-то лежали в одной кровати, и в ногах у нас валялось изрядно скомканное одеяло, а через окошко хижины едва-едва пробивался приглушенный порхающими снаружи немногочисленными снежинками утренний свет. Мы бодрствовали уже не первый час кряду, но по понятным причинам с кровати подниматься пока даже и не намеревались. Натаниэль, прижавшись ко мне, закинул на меня ногу и принялся водить пальцем по моей ключице в такт популярной в тот год ритм-энд-блюзовой композиции «Шестидесятиминутный Мужчина» в исполнении группы «Billy Ward and his Dominoes», звучащей из нашего крошечного транзисторного радиоприемника на батарейках.

Я, потянувшись всем телом, похлопала Натаниэля по плечу и заинтересовалась:

— Так, мой собственный Шестидесятиминутный Мужчина уже совершил свой очередной полный оборот? Готов ли он к новому кругу?

Он фыркнул, а затем спросил:

— Начнем как обычно — с пятнадцати минут поцелуев?

— Разумеется. Но только прежде ты разожжешь в камине огонь.

— Я вроде бы его уже разжигал.

Он всем телом крутанулся в постели и встал.

Я натянула на себя одеяло и повернулась на бок. Так мне было удобнее в очередной раз любоваться им.

Он был худощав и жилист и только благодаря службе в армии во время Второй мировой не стал тощим. Сейчас он вытаскивал поленья из кучи, что громоздилась под огромным окном в нашей каморке, и совал их одно за другим в камин, и мне, признаюсь, нравилось, как под кожей у него играют мускулы.

И тут весь мир снаружи озарился неистовым светом.

Если вы находились в девять пятьдесят три утра 3 марта 1952 года на расстоянии менее пятисот миль от города Вашингтон, округ Колумбия, то свет тот вряд ли уже позабудете.

В первое мгновение свет был красным, а затем стал столь яростно белым и всюду проникающим, что даже размыл тени по углам.

Натаниэль, все еще держа полено в руках, вскричал:

— Элма! Закрой глаза! Закрой немедленно!

Я так и сделала.

То был неистовый свет. Похоже, его породила атомная бомба. Бомба, несомненно, сброшенная русскими. Теми самыми русскими, что не без основания были недовольны внешней политикой нашего нынешнего президента Дьюи.

Сомнений не вызывало, что эпицентр взрыва находился в округе Колумбия.

Господи!

Как скоро взрывная волна достигнет нас?

Мы оба участвовали в испытаниях атомных бомб в проекте «Тринити», но сейчас все полученные нами знания вдруг вылетели из наших голов. Тем не менее сомнений не вызывало, что округ Колумбия весьма далек от нашего теперешнего местопребывания, и тепловая волна нас вряд ли серьезно затронет. Сомнений также не вызывало и то, что началась война, которой все мы, американцы, отчаянно боялись.

Ничего далее не произошло. И даже музыка из радиоприемника звучала, как и прежде.

Я почти минуту лежала зажмурившись. Затем слегка приоткрыла веки. Оказалось, что ослепительный свет снаружи померк. Я всю распахнула глаза и, прислушиваясь к ни на секунду не прервавшейся радиотрансляции, поделилась с Натаниэлом:

— Значительных электромагнитных импульсов, очевидно, не было.

— Не было, — подтвердил тот. — Следовательно, грохнула вовсе не атомная бомба. — Он, все еще с поленом в руках, подошел к окну и добавил: — И звуковая волна от взрыва до нас еще не добралась. Как думаешь, когда она придет?

Из транзисторного приемника по-прежнему несли «Шестидесятиминутный Мужчина».

— Как давно полыхнуло?

— Время не засекал. Полагаю, прошло чуть более минуты.

Я, пожившись, прикинула:

— Скорость звука здесь около ноль целых двух десятых мили в секунду. Получается, что эпицентр взрыва как минимум в двадцати милях.

Натаниэль принялся натягивать на себя свитер грубой вязки, продолжая мысленный отчет.

Тридцать миль.

Сорок.

Пятьдесят.

— Взрыв... Полыхнуло основательно, а ударной волны все нет. Следовательно, эпицентр взрыва находится намного дальше, а мощность его — десятки мегатонн.

Я, глубоко вздохнув, потрясла головой и констатировала:

— Значит, очевидно, все же не ядерная бомба грохнула. Иначе бы замолчало радио.

— Предложи что-нибудь иное.

Он наконец облачился в свитер.

Из радиоприемника меж тем зазвучала какая-то новая песня.

Я выскочила из постели и схватила лифчик и трусики — не свежие, а те, что были на мне вчера.

За окном всюду разыгрались снежные вихри.

— Видимо, поблизости рванул завод или склад с боеприпасами, — предположила я.

— Или в атмосфере вспыхнул значительных размеров метеор.

— Метеор?

Вспышка огромного метеора в атмосфере отлично объясняла, почему не прервалось радиовещание.

Я облегченно вздохнула.

Получается, всего лишь локальное событие!

— Так вот отчего не было взрывной волны! Просто в атмосфере молниеносно сгорел крупный метеор! Только и всего!

Пальцы Натаниэля коснулись моих. Затем он принял у меня бретельки лифчика и надел их мне на плечи. Зафиксировал застежку у меня за спиной и обхватил своими ладонями мои предплечья.

Его руки были горячими. Заметно горячее моей кожи.

Я слегка расслабилась, но думать о вспышке не прекратила.

Она была такой неистовой, такой яркой!

Он слегка сжал мои предплечья, а затем опустил руки.

— Именно.

— Всего лишь метеор?

— А что же еще? Давай потихоньку собираться назад, в город.

Верить его словам мне хотелось отчаянно, но вспышка... Вспышка была такой интенсивной, что и зажмуренные веки помехой ей не стали!

И то был всего лишь метеор?!

Пока мы одевались, из радиоприемника неслись одна жизне-радостная композиция за другой, и каждый раз, когда очередная заканчивалась, я смотрела на транзистор, уверенная, что на этот-то раз кто-нибудь расскажет нам, что произошло.

Все же мое подсознание, похоже, предостерегло, что худшее еще впереди, и, повинувшись ему, я вместо мокасин надела походные ботинки.

И тут пол содрогнулся, а фарфоровая малиновка, заплясав вдруг, свалилась с прикроватного столика.

Сначала я было подумала, что мимо проезжает тяжелый грузовик. Но какое там, ведь мы находились в горах — вдалеке от любых асфальтовых дорог.

Землетрясение?

Но с чего бы, ведь мы находились в абсолютно геологически стабильных горах Поконо.

Не размышлявший о геологической стабильности данных мест Натаниэль схватил меня за руку и потащил к двери.

Тут пол под нами вздыбился и заходил ходуном.

Мы, вцепившись друг в друга, тоже задвигались, словно исполняющая фокстрот парочка навеселе.

Стены изогнулись, а потом... потом рухнула разом вся хижина.

Я почти уверена, что орала тогда во все горло.

Когда земля вновь обрела стабильность, оказалось, что радиоприемник все еще играет, а мы с Натаниэлем лежим, прижавшись друг к другу, в остатках дверной рамы.

Вокруг нас кружилась, неторопливо опускаясь, наполнившая морозный воздух пыль.

Я смахнула пыль с его лица.

Руки у меня дрожали.

— Как ты? — спросила я.

— Хуже не бывает, — ответил он.

Его голубые глаза были широко раскрыты, но оба зрачка имели одинаковый размер, так что... Вроде бы он особо не пострадал.

— Ну а как ты?

Прежде чем ответить «лучше не бывает», я, вздохнув, все же мысленно провела инвентаризацию своего тела.

Меня по-прежнему переполнял адреналин, но несомненно я не обмочилась, хотя, признаюсь, и была близка к тому.

— Завтра мне будет больно, но не думаю, что получила какие-то серьезные повреждения. В отличие от нашего жилища.

Он кивнул и вытянул шею, оглядывая полость в развалинах жижины, в которой мы оказались похоронены.

Сквозь щель, где потолочная панель из фанеры упала на остатки дверной фрамуги, пробивался солнечный свет.

С трудом, но мы все же раздвинули либо приподняли часть обломков и выкарабкались наружу.

Если бы я была одна, то я бы... Ну, если бы я была одна, то и в дверь вовремя войти не успела.

Задрожав, несмотря на свитер, я обхватила себя руками.

Натаниэль, покосившись на обломки, предположил:

— Может, одеяло оттуда достанем.

— Давай лучше просто пойдем к машине.

Я повернулась, молясь, чтобы оказалось, что на машину ничего не упало.

Слава богу, она стояла на небольшой парковке неповрежденной.

— Мою сумочку с ключами от машины мы среди развалин вряд ли теперь отыщем. Но не беда, я просто замкну провода под рулевой колонкой, и мы двинемся в путь.

— Так, полагаешь, минуты четыре? — задумчиво спросил Натаниэль и тут же оскользнулся на снегу. — Именно столько прошло между вспышкой и землетрясением.

— Что-то вроде того, — немедленно согласилась я.

Пульс мой по-прежнему неистовствовал, пальцы дрожали, а ноги подгибались, и я, с удовольствием ухватившись мыслями за незыблемые столпы математики, принялась прокручивать в голове цифры и вычислять расстояния. Уверена, Натаниэль делал тогда то же самое.